

В. В. Намнясева

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Статья посвящена проблемным вопросам регламентации института прикосновенности к преступлению в российском законодательстве. Анализируются изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», после которых институт прикосновенности к преступлению фактически вернул одну из своих составляющих, утраченную с вступлением в силу УК РФ 1996 г. — недонесение о преступлении. Исследуется структура института прикосновенности. Отмечается отсутствие единообразного толкования рассматриваемых вопросов в доктрине уголовного права.

В ходе анализа действующего уголовного законодательства России и ряда нормативных актов, утративших силу, а также правоприменительной практики, автором выделен ряд существующих проблем. Их предлагается решить путем внесения изменений как в Общую, так и в Особенную часть УК РФ.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, недонесение, укрывательство, попустительство, несообщение о преступлении, законодательная регламентация.

V. V. Namnyaseva

TOPICAL ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSTITUTION OF INVOLVEMENT IN CRIME

The article is devoted to the topical issues to regulate the institution of involvement in crime in the Russian legislation. The modifications introduced in the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 375-FZ (dated July 6, 2016) "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation related to the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety" are analyzed. The institution of involvement in crime actually restored one of its lost components, that is failure to report a crime, while the Criminal Code of 1996 came into force. The structure of the institution of involvement in crime is examined. The absence of a uniform interpretation of the issues under consideration in the doctrine of criminal law is noted.

In the course of analysis of the acting criminal legislation of Russia and a number of normative acts that have lost their force, as well as law enforcement practice, the author sorts out a number of existing problems. They are proposed to be solved by amending both the General and the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: involvement in crime, the failure to report, concealment, connivance, the non-reporting of a crime, legislative regulation.

После вступления в силу Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» российское уголовное законодательство было дополнено ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Несообщение о преступлении», предусматривающей ответственность за несообщение в органы власти о лице (лицах), готовящих, совершающих или совершивших одно из преступлений, исчерпывающий перечень которых дается в диспозиции рассматриваемой нормы. В

перечень преступлений, несообщение о которых влечет уголовную ответственность, вошли преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества. Все они являются преступлениями террористического характера и экстремистской направленности, однако при этом обладают различной общественной опасностью и относятся как к тяжким и особо тяжким преступлениям, так и к преступлениям средней тяжести. Однако появление ст. 205.6 УК РФ сразу же вызвало ряд критических замечаний представителей российской уголовно-правовой науки, связанных как с целесообразностью появления данной нормы, так и с особенностями

ее законодательной конструкции.

После появления нормы, предусматривающий ответственность за несообщение о преступлении, институт прикосновенности к преступлению фактически вернул одну из своих составляющих, утраченную с вступлением в силу УК РФ 1996 года. Существуют различные варианты определения прикосновенности, однако практически все авторы солидарны в том, что рассмотрение института прикосновенности к преступлению неразрывно связано с анализом института соучастия. В частности, А. Н. Трайнин указывал, что «прикосновенность охватывает такую связь третьих лиц с преступниками, которая не достигает интенсивности соучастия» [1, с. 130]. По мнению М. И. Ковалева и А. К. Щедриной, под прикосновенностью следует понимать «деятельность, связанную с преступлением, совершенным другим лицом, но не обуславливающую его совершение» [2, с. 285]. Р. Д. Шарапов определяет прикосновенность к преступлению как «совершение лицом умышленного преступления в связи с преступлением, совершенным другим лицом, но при отсутствии с ним причинно-следственной связи» [3, с. 38].

Таким образом, при прикосновенности можно говорить о взаимосвязи нескольких преступлений, одно из которых является основным, а второе носит дополнительный характер, прикосновенно к первому. При этом по времени основное преступление, как правило, предшествует преступлению, образуемому прикосновенностью, но может совершаться и одновременно с ним; в отдельных случаях прикосновенность возможна на стадии приготовления к основному преступлению. Прикосновенность возможна только по отношению к преступлению, совершенному другим лицом. Прикосновенная преступная деятельность не находится в причинной связи с основным преступлением, не способствует его совершению и именно поэтому, в силу отсутствия соответствующих объективных и субъективных признаков (в первую очередь совместности), не образует соучастия.

Историко-правовой метод традиционно используется исследователями для достижения оптимальных результатов. Каждый последующий этап развития законодательства не возникает на пустом месте, а является продолжением предшествующего, зависит от прошлого опыта. Соответственно, анализ закономерностей этого опыта позволяет в определенной мере спрогнозировать будущее развитие уголовного права и создать наиболее удачные конструкции соответствующих норм.

В течение почти двадцати лет недонесение

(несообщение) о преступлении не влекло уголовной ответственности. В Общей части УК РФ 1996 г. (в отличие от УК РСФСР 1960 года) отсутствуют нормы, регламентирующие прикосновенность к преступлению, что позволило А. В. Наумову прийти к заключению о том, что «прикосновенность к преступлению как институт Общей части уголовного права себя исчерпала» [4, с. 330].

Однако, с учетом современных реалий, полагаю, что к этой проблеме необходимо вернуться. Российское уголовное законодательство традиционно регламентировало прикосновенность к преступлению на уровне норм не только Особенной, но и Общей части уголовного законодательства. Впервые выделение Общей части в российском уголовном законодательстве было осуществлено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [5], раздел первый которого назывался «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще». И уже в этом нормативном акте в главе первой отделе третьем «О участии в преступлении» было посвящено регламентации двух институтов — соучастия и прикосновенности. В соответствии со ст. 16 и 17 Уложения выделялись три вида лиц, «прикосновенных к делу и преступлению»: 1) попустители — «те, которые имел власть или возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оно»; 2) укрыватели — «те, которые не имел никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оно заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо или же иным противозаконным образом добытые вещи»; 3) «те, которые зная об умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности». В Особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года были предусмотрены нормы, регламентирующие ответственность за конкретные проявления прикосновенности к преступлению. Так, например, в главе второй «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» раздела пятого «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» в ст. 368 устанавливалась ответственность за противозаконное бездействие власти, которым признавалось «неупотребление чиновником или иным должностным лицом в надлежащее время всех указанных или дозволенных законами средств, коими он имел возможность

предупредить или остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок, и чрез то предохранить государство, общество или вверенную ему часть от ущерба или вреда». В соответствии со ст. 371 Уложения повышенное наказание устанавливалось в случаях, когда «оставшийся в противозаконном бездействии учинил сие с намерением ... попустить преступление, за которое в законе постановлено наказание уголовное».

В предшествующем действующему уголовному кодексу УК РСФСР 1960 г. регламентация института прикосновенности также осуществлялась нормами как Общей, так и Особенной части. В ст. 18 УК РСФСР «Укрывательство» устанавливалось, что «заранее не обещанное укрывательство преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, влечет ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса. Не подлежат уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление». В ст. 19 УК РСФСР «Недонесение» было закреплено, что «недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса. Не подлежат уголовной ответственности за недонесение супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. Также не подлежит уголовной ответственности священнослужитель за недонесение о преступлении, ставшем ему известным из исповеди». В Особенной части УК РСФСР содержались ст. 88.1 «Недонесение о государственных преступлениях», ст. 88.2 «Укрывательство государственных преступлений», ст. 189 «Укрывательство преступлений» и ст. 190 «Недонесение о преступлениях», в диспозициях которых давался исчерпывающий перечень преступлений, укрывательство которых и недонесение о которых влекло уголовную ответственность.

Следует отметить, что в Общей части УК РСФСР 1960 г. не выделялся такой вид прикосновенности к преступлению, как попустительство. В Особенной части УК РСФСР 1960 г. (в отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовного Уложения 1903 г., УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.) отсутствовала норма о бездействии власти, регламентирующая ответственность за попустительство преступлению должностными лицами. Отдельные случаи попустительства

должностных лиц квалифицировались (при наличии соответствующих признаков) как злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР) или халатность (ст. 172 УК РСФСР).

В Особенной части действующего УК РФ содержится несколько норм, представляющих отдельные виды прикосновенности к преступлению: ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» и ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений». Однако данные нормы помещены законодателем в разные главы Уголовного кодекса; при их создании не учтены в полной мере общие постулаты учения о прикосновенности, связанные, в первую очередь, с основанием криминализации, определением объекта данных преступлений и особенностей законодательной конструкции уголовно-правовых норм, а также с определением санкций, соответствующих общественной опасности рассматриваемых преступлений.

Полагаем, что одной из причин недостаточной эффективности действующих уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за отдельные виды прикосновенности, является именно отсутствие системности в законодательном закреплении данного института. Первым шагом, направленным на отражение единства и взаимосвязи анализируемых норм на законодательном уровне, должно стать определение понятия, признаков, видов прикосновенности, а также пределов ответственности за прикосновенность к преступлению в нормах Общей части УК РФ. Следует изменить название главы седьмой УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению», и дополнить данную главу соответствующими нормами.

Не менее важным является вопрос о месте норм, регламентирующих ответственность за конкретные виды прикосновенности, в системе Особенной части УК РФ. И в связи с этим нельзя не остановиться на вопросе об объекте прикосновенных преступлений. В доктрине уголовного права отсутствует единство мнений по данному вопросу. Можно выделить несколько основных существующих позиций. Ряд авторов полагает, что объект прикосновенного преступления совпадает с объектом основного —

т.е. объектом, например, укрывательства является объект укрываемого преступления [6, с. 26—27; 7, с. 8, 9]. Аргументируя свою точку зрения, авторы указывают, что устанавливая ответственность за прикосновенность к преступлению, государство борется не с собственно укрывательством, недоносительством и попустительством, а с посягательствами на объект основного преступления.

Некоторые ученые определяют в качестве объекта прикосновенных преступлений общественную безопасность [8, с. 22, 23; 9, с. 9, 10], аргументируя данный вывод тем, что в результате действий прикосновенных лиц возникает угроза для всего общества со стороны лиц, совершивших основное преступление и избежавших наказания. Однако «поскольку перспектива совершения нового преступления основным преступником для прикосновенного лица не конкретизирована, то возникает угроза посягательства на весь комплекс общественных отношений, находящихся под охраной уголовного закона» [8, с. 23].

Значительное количество авторов полагают, что объектом прикосновенных преступлений выступают интересы правосудия [10, с. 37; 11, с. 8, 9]. Прикосновенные деяния связаны с сокрытием основного преступления от правосудия и способствуют уклонению лиц, совершивших основное преступление, от применения мер уголовно-правового воздействия. Именно данная точка зрения представляется наиболее предпочтительной. Общим для всех рассматриваемых преступлений является их направленность на затруднение (тем или иным способом) реализации принципа неотвратимости наказания.

Полагаем, что именно в главе 31 «Преступления против правосудия» необходимо систематизировать все нормы, регламентирующие ответственность за конкретные виды прикосновенности. Именно данный подход будет способствовать выработке наиболее оптимальных законодательных конструкций, даст возможность оценить пробельность или избыточность в регламентации, позволит максимально полно реализовать принцип справедливости при установлении вида и размера наказания за рассматриваемые преступления.

Так, комплексный анализ норм об укрывательстве преступлений и несообщении о преступлении как смежных преступлений, посягающих на один и тот же непосредственный объект, позволил бы избежать тех недостатков, связанных в первую очередь с нарушением системности уголовного законодательства, которые были допущены при создании нормы, предусмотренной ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о

преступлении». Было бы целесообразно установить в данной норме ответственность за несообщение в органы власти информации не только о лицах, готовящих, совершающих или совершивших преступление, но и о самом известном готовящемся или совершенном преступлении. Кроме того, если государство после двадцатилетнего перерыва вернулось к установлению ответственности за несообщение о преступлении и признало данное деяние обладающим соответствующей общественной опасностью, логично было установить ответственность за несообщение обо всех особо тяжких преступлениях. С учетом специфики преступлений террористического характера и экстремистской направленности в части второй соответствующей статьи целесообразно установление ответственности за несообщение о данных преступлениях иной категории с закреплением их исчерпывающего перечня. Также следовало бы учесть исторический опыт конструирования в российском уголовном законодательстве нормы о несообщении о преступлении, и исключить из круга субъектов данного преступления не только супруга и близких родственников, но и священнослужителя за несообщение о преступлении, ставшем ему известным из исповеди.

Еще один вопрос, на котором бы хотелось остановиться — особенности регламентации ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. В настоящее время в УК РФ существуют ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления». Если проанализировать данные нормы с позиций учения о прикосновенности к преступлению, то станет очевидно, что в ст. 174.1 УК РФ фактически установлена ответственность за прикосновенность к собственному преступлению, что противоречит существующим постулатам уголовно-правовой науки — одним из существенных признаков прикосновенности является ее возможность только по отношению к преступлению, совершенному другим лицом.

Появление норм об ответственности за отмывание преступных доходов обусловлено, в первую очередь, переходом Российской Федерации к рыночной экономике. С целью выработки мер по противодействию данным преступлениям международное сообщество приняло ряд документов, к которым, в частности, относится заключенная в г. Страсбурге 08 ноября 1990 года Конвенция Совета Европы об отмывании,

выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (далее — Конвенция). В пункте 1 статьи 6 Конвенции «Преступления, связанные с отмыванием средств» перечисляются деяния, которые государствам-участникам рекомендуется «квалифицировать в качестве преступлений в соответствии со своим внутренним правом». К таковым, в частности, относятся финансовые операции с имуществом, «если известно, что это имущество является доходом, полученным преступным путем, с целью скрыть незаконное происхождение такого имущества или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного преступления, избежать правовых последствий своих деяний». В пункте 2 статьи 6 Конвенции указано, что преступления, указанные в пункте 1, «не применяются к лицам, совершившим основное преступление».

Таким образом, учитывая и положения национальной уголовно-правовой доктрины о прикосновенности к преступлению, и нормы международного законодательства, следует декриминализовать деяние, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые проблемные вопросы регламентации института прикосновенности в российском уголовном законодательстве.

-
1. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941.
 2. Советское уголовное право. Общая часть. Соучастие в преступлении (авторы главы — М. И. Ковалев, А. К. Щедрина). М., 1977.
 3. Шарапов Р. Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 36—41.
 4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1999.
 5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
 6. Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957.
 7. Ковалев М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952.
 8. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981.
 9. Косякова Н. С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
 10. Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968.
 11. Сержкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

© Намнясева В. В., 2017

-
1. Trainin A. N. Doctrine on about Complicity. Moscow, 1941.
 2. Soviet Criminal Law. Common Part. Complicity in the Crime (Authors of the Chapter — M. I. Kovalev, A. K. Shchedrina). Moscow, 1977.
 3. Sharapov R. D. / Joint Criminal Activity without Complicity Indication: Involvement in Crime, Participation in Crime without Intent Concurrence // Juridical Science and Law Enforcement Practice. 2015. № 4 (34). P. 36—41.
 4. Naumov A. V. Russian Criminal Law. General Part: Course of Lectures. Moscow, 1999.
 5. Ordinance on the Criminal and Correctional Penalties. St. Petersburg, 1845.
 6. Smirnov V. G. The Concept of Involvement in the Soviet Criminal Law. Leningrad, 1957.
 7. Kovalyov M. I. Criminal Responsibility for the Crimes Concealment (in accordance with the Soviet Criminal Law: abstract of diss. ... Candidate of Juridical Sciences. Moscow, 1952.
 8. Razgildiev B. T. Criminal Law Problems of Involvement in Crime. Saratov, 1981.
 9. Kosyakova N. S. Involvement in Crime (in accordance with the Russian Criminal Law: Formation, Condition and Prospects for Development: abstract of diss. ... Candidate of Juridical Sciences. Moscow, 2001.
 10. Baymurzin G. I. Responsibility for Involvement in Crime. Alma-Ata, 1968.
 11. Serezhkina K. N. Involvement in Crime in the Criminal Law of Russia: Optimization of Rules and Practice of their Application: abstract of diss. ... Candidate of Juridical Sciences. Samara, 2009.

© Namnyaseva V. V., 2017